

**АЛЕКСАНДР
МакКОЛЛ СМИТ**

**ОТДЕЛ
ДЕЛИКАТНЫХ
РАССЛЕДОВАНИЙ**

Москва
2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М15

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!
МЫ В СОЦСЕТЯХ:
www.eksmo.ru
 [vmirefiction](#)
 [read_action](#)

Alexander McCall Smith
DEPARTMENT OF SENSITIVE CRIMES

© Alexander McCall Smith, 2019
All rights reserved.

Редактор серии *Ю. Милоградова*

МакКолл Смит, Александр.

М15 Отдел деликатных расследований / Александр МакКолл Смит ; [перевод с английского Е. Ильиной]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-111523-4

В шведской системе уголовного права находится место даже самым сложным и странным делам, за которые в полиции Мальмё отвечает элитное подразделение, известное как Отдел деликатных расследований: Ульф «Волк» Варг, внимательный и вдумчивый лидер, Анна Бенгсдоттер, влюбленная в машину Варга (не исключено, что и в самого Варга тоже), Карл Хольгерссон, который больше всего на свете любит заполнять бумаги, и Эрик Нюквист, всей душой преданный искусству рыболовства.

Ульф берется за самые необычные преступления, требующие такта и хорошего знания человеческой природы, попутно пытаясь распутать клубок собственных романтических чувств и помочь своему псу, единственной во всей Швеции собаке, которая научилась читать по губам, справиться с депрессией.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Ильина Е., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111523-4

Эта книга посвящается Бобу Мак-Криди

ГЛАВА 1

Свободные ассоциации по стандартным расценкам

— Сёрен, — сказал доктор Свенссон серьезно, хотя в его глазах позади очков в роговой оправе и таилась улыбка. Он ждал. Его короткий вопрос предполагал некий ответ — немного терпения, и узнаешь, какой именно.

Ульф Варг, уроженец города Мальмё, что в Швеции, сын Туре и Лив Варгов, весьма недолго женат, а ныне снова холостяк, тридцати восьми лет, какое обстоятельство наводило его на мысли о том, что он называл про себя «приближающийся водораздел» — «Как думаешь, Ульф, — спросил как-то его приятель Ларс. — Куда человек отправляется после сорока?», — этот самый Ульф Варг поднял глаза к потолку, когда его психотерапевт произнес: «Сёрен». А потом, почти не задумываясь, переспросил:

— Сёрен?

Психотерапевт — *добрый* доктор Свенссон, как часто отзывались о нем клиенты, — покачал головой. Он знал, что психотерапевт не должен качать головой, и он старался делать это как можно реже, но все же это случалось — одно из тех движений, которые мы делаем машинально, не задумываясь: барабаним пальцами, поднимаем брови, закидываем ногу на но-

гу. Большинство этих действий не несут никакого значения — побочные продукты существования, — но когда качаешь головой, это подразумевает осуждение. А добрый доктор Свенссон просто не мог никого осуждать. Он понимал, а это несколько другое.

Однако сейчас он именно осуждал и даже покачал головой, не успев напомнить себе насчет осуждения — и связанных с ним жестов.

— Это был вопрос — или ответ? — спросил он. — Потому что переспрашивать не нужно, понимаете? В этом весь смысл свободных ассоциаций, господин Варг: вытащить на поверхность — вплоть до внешней экспрессии — те вещи, которые таятся в глубине подсознания.

Вытащить на поверхность то, что таится в глубине... Ульфю понравились эти слова. Именно это, подумал он, я и делаю всякий раз, как прихожу на работу. Каждое утро я встаю с тем, чтобы вытащить на поверхность то, что таится в глубине. Будь у меня девиз, полагаю, он был бы примерно таким. Звучит гораздо лучше, чем фраза, навязанная Штабом его отделу. *Мы служим обществу.* Как это скучно, как банально — как и все, что исходит из Штаба. Все эти серенькие дамы и господа с их постоянными разговорами о поставленных задачах и сугубой деликатности — да, в общем-то, обо всем, кроме того единственного, что имело значение: искать и находить тех, кто нарушает закон.

— Господин Варг?

Взгляд Ульфа, блуждая, спустился с потолка на пол. Теперь он разглядывал ковер — и ботинки доктора Свенссона коричневой замши. Это были броги, с затейливым узором из дырочек, которые, как кто-то

когда-то ему объяснил, нужны для того, чтобы обувь дышала, а не только ради английского «лука». Дорогие, наверное, подумал он. Когда он впервые увидел эти ботинки, то решил, что они из Англии, такой уж у них был вид; хороший следователь в первую очередь замечает подобные вещи. Итальянские ботинки уже и выглядят элегантнее, наверное потому, что у итальянцев более узкие, элегантные ступни, чем у англичан; голландцы же, размышляя Ульф, — люди высокие, с широкой костью. Крупные люди, что, в некотором смысле, было странно, поскольку Голландия — такая маленькая страна... И подвержена наводнениям, как он вычитал в одной книжке, когда был еще ребенком — там еще была история про маленького голландского мальчика, который заткнул пальцем дыру в плотине...

— Мистер Варг? — В голосе доктора Свенссона слышалось легкое нетерпение. Для пациентов было вполне нормально погружаться в размышления, но предполагалось, что они будут выражать свои мысли, а не думать просто так.

— Прошу прощения, доктор Свенссон. Я задумался.

— О! — сказал психолог. — Это именно то, чем вы и должны тут заниматься, знаете ли. Мыслительный процесс предваряет вербализацию, а вербализация предваряет принятие решения. Я, конечно, всецело это одобряю, но мы с вами здесь для того, чтобы выяснить, о чем вы думаете, когда вы *не думаете*. Другими словами, мы пытаемся понять, что происходит у вас в подсознании. Потому что именно за этим...

Ульф кивнул.

— Да, знаю. Я понимаю. Я просто сказал: «Сёрен», потому что не совсем понял, что вы имеете в виду. Хотелось удостовериться.

— Я имел в виду «Сёрен». Имя. Сёрен.

Ульф задумался. Имя «Сёрен» не значило для него ничего. Скажи доктор Свенссон «Харальд» или «Пер», он ответил бы «хамло» или «зубы», потому что именно это пришло бы ему в голову. Так звали двух мальчишек у него в классе, так что, скажи доктор Свенссон «Харальд», он, наверное, ответил бы «хамло», потому что хамлом Харальд и был. А услышав «Пер», Ульф ответил бы «зубы»: у Пера была щель между передними зубами, потому что его родители были бедны и не могли позволить себе услуги ортодонта.

И тут, довольно внезапно, до него дошло, и он сказал:

— Кьеркегор.

Это явно пришлось доктору Свенссону по душе.

— Кьеркегор? — переспросил он.

— Да. Сёрен Кьеркегор.

Доктор Свенссон улыбнулся. Консультация близилась к концу, а ему нравилось завершать сеанс на глубокомысленной ноте.

— Если не возражаете, можно спросить: почему Кьеркегор? Вы его читали?

Ульф ответил утвердительно.

— Надо же, — сказал доктор Свенссон. — Кто бы мог подумать, что... — тут он осекся.

Ульф выжидательно смотрел на него.

Доктор Свенссон тщетно попытался скрыть, насколько он смущен.

— Я не имел в виду... понимаете ли, я не хотел, чтобы это прозвучало вот так.

— Может, это ваше подсознание? — мягко спросил Ульф. — Оно заговорило.

Психотерапевт улыбнулся:

— Я собирался сказать — но вовремя остановился, — что никак не ожидал, что полицейский станет читать Кьеркегора. Это необычно, не правда ли?

— Вообще-то, я — следователь.

Доктор Свенссон опять смутился:

— Да, конечно!

— Хотя следователи, в сущности, — те же полицейские.

Доктор Свенссон кивнул:

— Как и судьи, и чиновники, и политики тоже, я полагаю. Все, кто указывает нам, как поступать, — в сущности, полицейские.

— Но не психотерапевты.

Доктор Свенссон рассмеялся.

— Психотерапевт не должен указывать вам, как поступать. Психотерапевт должен помочь вам понять, почему вы поступаете так, а не иначе, и дать возможность прекратить это делать — если вы этого захотите. Так что да, психотерапевт точно не полицейский. — Он немного помолчал. — Но почему Кьеркегор? Что именно вам нравится в Кьеркегоре?

— Я не сказал, что он мне нравится. Я сказал, что я его читал.

Доктор Свенссон снова глянул на часы:

— Думаю, придется нам на этом остановиться, — сказал он. — Мы с вами сегодня неплохо провинулись.

Ульф встал.

— И что теперь? — спросил доктор Свенссон.

— Что — что теперь?

— Просто стало интересно — что вы будете делать дальше. Понимаете, клиенты приходят ко мне, в этот кабинет, говорят о чем-то — или, скорее, мы говорим, — а потом они уходят обратно в мир и продолжают жить своей жизнью. А я остаюсь здесь и думаю — не всегда, но иногда — я думаю: «*Что они будут делать там, вонне? Поедут обратно домой, сядут и будут сидеть? Или на работу, перекладывать бумажки с одного конца стола на другой? А может, устанутся в экран и будут глядеть, пока не настанет пора ехать домой, к детям, которые тоже сидят, уставившись в экран? Поэтому они делают то, что делают? Поэтому вертятся, как могут?»*»

Ульф замялся:

— Непростые у вас вопросы. Очень непростые. Но, раз уж вы спросили, могу сказать, что я собираюсь обратно на работу. Сяду за стол и буду писать рапорт по делу, которое мы только что закрыли.

— Вы закрываете дела, — пробормотал себе под нос доктор Свенссон. — Мои же остаются открытыми. Они по большей части неразрешимы.

— Да, закрываем. На нас вечно давят, чтобы мы закрывали дела.

Доктор Свенссон вздохнул.

— Везет вам. — Он подошел к окну. Смотрю вот в окно, подумал он. Пациенты уходят заниматься важными вещами, например — закрывать дела, а я — смотрю в окно. Потом сказал: — Вы, наверное, не можете мне рассказать, что это было за дело.

— Имен называть я не имею права, равно как и касаться деталей, — ответил Ульф. — Но могу сказать, что нападение носило крайне необычный характер.

Доктор Свенссон, повернувшись, посмотрел на своего клиента.

— Удар был нанесен ножом под колено, — сказал Ульф.

— Как любопытно. Под колено?

— Да, — ответил Ульф. — Но я и в самом деле не могу больше ничего сказать.

— Как странно.

Ульф нахмурился:

— Что я не могу больше ничего сказать? Это странно?

— Нет — что кто-то ударил кого-то ножом в такое место. Конечно, выбор цели никогда не случаен. Мы раним то, что любим, то, чего мы желаем, — так же часто, как и то, что ненавидим. Но это странно, верно? Под колено.

Ульф направился к двери.

— Вы бы очень удивились, доктор Свенссон, узнав, как странно порою ведут себя люди. Да, даже при вашей профессии, когда пациенты изо дня в день рассказывают вам свои самые страшные тайны. Вы все равно бы удивились.

— Вы полагаете?

— Да, — ответил Ульф. — Побудь вы на моем месте хотя бы несколько дней, у вас бы челюсть отпала. И не один раз.

Доктор Свенссон улыбнулся:

— Надо же.

Его улыбка потускнела. Челюсть. Он вспомнил, что Фрейд умер от рака челюсти. В Лондоне, один, в окружении выжидающих стервятников, светоч разума погас, оставив нас один на один с тьмой и созданиями, которые ее населяют.

ГЛАВА 2

Крайне низкое преступление

Учреждение, где работал Ульф, находилось в здании с островерхой крышей, в Гамла Стаден, старом районе города Мальмё. Туристы, во множестве бродившие вокруг, и понятия не имели, что за этой ничем не примечательной дверью, выходящей на извилистую улочку на полпути к Художественному музею Мальмё, скрывается Отдел деликатных расследований Следственного управления города Мальмё. Посиди они некоторое время в кафе, что располагалось напротив входа, они бы заметили — умей они наблюдать, — что это на удивление оживленное учреждение, судя по количеству людей, которые заходили в эту незаметную дверь или выходили из нее. Задержись они немного подольше, то увидели бы, что многие из этих самых людей пересекают улицу и заходят в это самое кафе, где ведут между собой разговоры приглушенным тоном, словно бы обсуждая материи, которые в публичных местах обсуждать не полагается.

14

Стол Ульфа стоял в кабинете номер пять, который он делил с еще тремя коллегами: следователями Анной Бенгсдоттер и Карлом Хольгерссоном и делопроизводителем Эриком Никвистом. Анна и Карл

были с Ульфом примерно одного возраста, хотя Карл и был на пару лет постарше. Но Эрику было уже хорошо за пятьдесят, и он поговаривал о пенсии. Его карьеру трудно было назвать головокружительной: после тридцати восьми лет в Отделе он прошел путь от писемоводителя до делопроизводителя — всего три ступени по лестнице, насчитывающей семнадцать отдельных должностей. Его, однако, это не особенно беспокоило: его страстью была рыбалка, и необходимость зарабатывать на жизнь была не более чем легкой помехой в великой битве между рыбой и человеком, битве, которая занимала практически все его мысли. Жизнь на пенсии будет блаженством, истово верил он, поскольку его жене достался в наследство домик на одном из островов Стокгольмского архипелага: до моря рукой подать. Пенсия у него будет достаточно щедрой, а расходов у них в этом местечке будет немного. При домике имелся небольшой участок земли — достаточно, чтобы выращивать овощи к собственному столу, — и пять дней в неделю они будут есть рыбу, в точности как сейчас.

— Лучше ничего себе и представить нельзя, — сказал он как-то Ульфу.

И Ульф ответил, что он тоже не может вообразить себе более идеального существования, чем то, которое будет вести на пенсии Эрик.

Анна Бенгсдоттер, которая сидела напротив Ульфа, была уроженкой Стокгольма; ее отцу принадлежал небольшой бродячий цирк. Цирк был в семье вот уже три поколения, и ей пришлось выдержать в свое время немалое давление: ее убеждали присоединиться к нескольким ее кузенам, которые выступали с популярнейшим конно-музыкальным номе-

